

СВЕТИЛЬНИКИ ПРАВОСЛАВИЯ

Молитвенник Спиридон

Благодарная память лукояновской земли

Единственное фото старца Спиридона

Самая глубинка России — старинное село Владимировка Лукояновского района. На сельском кладбище — ухоженная могила, куда часто приносят цветы. Здесь покоится человек, вся жизнь которого была посвящена служению Богу и людям.

С посохом и сумой

В начале 1900 года в Лукояновском уезде Нижегородской губернии в семье бедного крестьянина Якова Поздьева родился сын, которого нарекли Спиридоном. Мать его умерла вскоре, и мальчик остался с отцом.

Ребенок этот был необычным. Незрячий (белая пелена полностью покрывала глаза), согбенный — инвалид с самого рождения. Однако Бог одарил мальчика исключительной памятью, музыкальным слухом и прекрасным голосом.

В 16 лет Спиридон остался круглым сиротой. В это время мальчика, обладавшего многими талантами, заметили священники. Позвали петь в церкви, и он несколько лет стоял на клиросе, за эти годы выучив церковный Устав и множество песнопений.

Потом начался новый период в его жизни. Спиридон примкнул к ватаге таких же, как он, слепцов, ходивших в то время по России за подаванием. Спустя годы он рассказывал жителям Владимировки, что исходил за 5–6 лет почти все Поволжье и центральную часть России. В какие только жизненные пе-

реплеты ни бросала его судьба, чем только ни приходилось заниматься слепому, тяжелобольному человеку, зарабатывая на кусок хлеба.

В эти годы Спиридон приспособился за «пропитание» сидеть с малыми детьми в многодетных крестьянских семьях. Слепой и немощный, он, однако, справлялся с этой работой. Помогал и по дому в тех семьях, где нянчил ребяткишек.

В середине 1930-х годов Спиридон Поздьяев окончательно осел во Владимировку Лукояновского района. К этому времени здесь уже не было ни церкви (ее полностью разрушили), ни хоть одного священника (по району прокатилась волна репрессий). Тут Спиридон Яковлевич прожил до самой кончины в 1978 году и был похоронен на сельском кладбище.

О даровании Победы и за каждого война

До сих пор его помнят в селе. Потому что много доброго людям сделал. А шли к нему за утешением и стар и млад. Особенно в войну, когда в селе и остались одни старики, женщины да ребятня.

— В 1941 году все, кто не ушел на фронт (кроме малолетних детей), не покладая рук работали в колхозе, — вспоминает и н а е т старейшая жительница

Владимировки Александра Сергеевна Ускова. — Особенно тяжело приходилось женщинам, ведь у них на руках были дети, а работать приходилось от зари до зари. Почти все они были верующими. И единственной отдушиной, отрадой в те годы были богослужения. А служил Спиридон. Зимой — в каком-нибудь сельском доме, а летом, как правило, на родниках или недалеко от места разрушенной церкви, еще молились на сельских кладбищах.

Понятно, что Спиридон проводил службы мирским чином, как умел, и далеки они были от торжественных храмовых богослужений, но молитвы тогда были не просто горячими, а пламенными. У каждого на фронте были родные, и все с замирающим сердцем ждали почтальона.

Нескольких женщин он обучил церковному пению, получился своеобразный клирос. Служили в основном на праздники: Рождество, Пасху, Троицу, Николу, Ильин день... Каждый раз из разрушенной сельской церкви выносились иконы «Знамение», которую сохранили жители. Если кто-то из сельчан умирал, Спиридон совершал их отпевание, по христианскому обряду. А вот если в дом приходила похоронка, не отпевал, говорил, что нужно ждать, вдруг ошибка.

Местному же начальству эти службы не нравились. Александра Сергеевна Ускова до сих пор в подробностях помнит, что произошло на Пасху 1942 года.

— Ночная служба, которую проводил Спиридон, закончилась под утро, — рассказывает пожилая женщина, — а под вечер этого дня в село приехали люди из НКВД. В это время Спиридон был у нас в доме. Моя мама узнала от соседей, что приехавшие ищут Спиридона и хотят его забрать. Она заперла изнутри дом на задвижку и крючок. Так эти прибывшие подошли к нашему дому, долго стучали и, когда им никто не открыл, сломали топорами запоры и увезли Спиридона в район, в город Лукоянов. Они обыскали почему-то весь его дом, но ничего не нашли, ведь у него ничего не было, кроме посоха и сумы, а все, что он знал, было у него в голове. Мы были в ужасе от этих гостей... Но, по Божией милости, все обошлось, через несколько дней Спиридона отпустили.

Запугать крепкого в вере человека не удалось: он продолжал молиться вместе с жителями Владимировки. Не только за тех, кто воевал.

— Как-то на полевых работах в конце войны моя мама наколола себе железкой руку, — вспоминает Александра Сергеевна Ускова. — Дел было много, за помощью она никуда не обращалась. А через несколько дней рука сильно опухла, горела как в огне до самого плеча и перестала двигаться, появился большой нарыв. Хирург в Лукоянове сказал, что надо ампутировать, только так можно спасти маме жизнь. Она горько плакала, не соглашалась, и врач дал ей два дня на раздумья. А Спиридон выслушал и утешил: «Не плачь, Анна, сегодня я буду читать молитвы о твоём здравии». И что вы думаете! Всю ночь мама мучилась, не могла заснуть от боли, а под утро нарыв лопнул, вскоре боль прошла. Врач потом не поверил своим глазам. И за других

Спиридон молился, и люди выздоравливали.

Нина Сергеевна Наскина, тоже уроженка Владимировки, рассказывает такой случай. В войну одной из женщин соседнего села, Екатерине, пришла похоронка на мужа. Через некоторое время она обратилась с просьбой к Спиридону отслужить панихиду по погибшему мужу. Но тот отказался, сказав ей, что муж жив, что нужно его ждать. А через несколько месяцев от супруга пришла весточка, что жив-здоров, был в окружении, не имел возможности писать, и что произошла какая-то путаница в бумагах. После войны он вернулся с фронта домой.

Слепой Спиридон ходил пешком, без чьей-либо помощи, по селам округи, исполняя требы обращающихся к нему сельских жителей. И регулярно отправлялся он (опять же без провожатых) за 15 километров от села на вокзал Лукоянова, где в войну был госпиталь. Здесь Спиридон молился о здравии раненых.

— Помню послевоенное время, — рассказывает Нина Сергеевна. — Мы с братом были совсем маленькими. Мама и отец (только что вернувшийся с фронта, весь израненный) работали в местном колхозе. С грудным Николаем, да и со мной нянчился Спиридон Поздьяев. Он качал брата в зыбке, менял пеленки, при этом напевая молитвы, знал он их очень много. Его все очень уважали в нашей семье, и если родители намеревались что-то сделать, то всегда советовались со Спиридоном. Так же и другие жители нашего села.

Единственное фото

И после войны люди обращались к молитвеннику по различным жизненным вопросам.

— Сохранилось в памяти, как он нам, молодежи восемнадцати-двадцати лет, давал наставления, — рассказывает старейший

житель Владимировки Николай Михайлович Ломтев, — как, согласно Священному Писанию, должны складываться отношения между людьми. Как муж должен относиться к жене, а она — к мужу. При этом наизусть зачитывал нам строки из Библии.

— Это было в конце 1940-х годов, — вспоминает Нина Сергеевна. — Дед мой, Сергей Иванович Аброчнов, знатный плотник, целыми месяцами летом ходил с другими строителями по селам Лукояновского и соседних районов. Они строили дома для жителей и хозяйственные постройки для скота в колхозах. В конце лета дед получил за работу хорошую, крупную по тем временам сумму. Должно было хватить на зиму всей его семье. Но когда он пришел домой, денег не обнаружил! Куда они подевались, и представить не мог. Возможно, украли на рынке в райцентре, или где-то выронил — неизвестно. Своим горем дед поделился со Спиридоном, а он, выслушав, сказал: «Не печалься и не горюй, Сергей, иди и успокой своих домашних, деньги твои найдутся, тебе их возвратят».

В это очень трудно было поверить, не поверил и дед Нины Сергеевны. Каково же было удивление всего села, когда через две-три недели один из напарников Сергея Ивановича принес ему кошелек с деньгами: нашел в траве на одной из улиц села.

Одевался Спиридон всегда более чем скромно. Простая холщовая рубашка, холщовые штаны, на ногах сапоги, а чаще лапти. Зимой носил высокие, выдавшие виды валенки, длинный овечий тулуп и шапку из войлочной самодельной ткани. В руках всегда был длинный посох из орешника. Именно таким он и запечатлен на единственном, чудом сохранившемся снимке, что находится на могильном кресте во Владимировке.

Умер он в семьдесят восьмом, провожало его тогда все село. И сейчас люди ухаживают за его могилой и обращаются с просьбами к молитвеннику Спиридону. Говорят, он и сейчас помогает — человек, который ничего в земной жизни и не имел, кроме посоха и сумы, но собрал нетленное богатство на Небе, оставил о себе благодарную память.

Владимир УСКОВ
Надежда МУРАВЬЕВА

